

Сократ и топы архаики

Проблема места в философии Сократа

В начало своих рассуждений я хотел бы положить следующие три тезиса антропологического характера: 1). Архаика никуда не исчезает бесследно, она остается скрытым контекстом, в котором живет общество, а коли так, то надо подумать, из чего рождается мысль: из актуально действующих институтов общества или из того, что стало не актуальным и маргинальным – не как бы оболочкой, из которого вышло общество, а его ментальной средой. Такой окружающий, но дистанцированный от общества контекст стимулирует вопрошание и он образует место для мысли. Ей нужна дистанция и к обществу и к табло континуальности (Абсолюту, Богу), чтобы стать конкретной и локализованной¹. Сократ подавал себя как маргинализованного человека, человека природы, но он и был местом мысли. 2). У каждой эпохи есть своя архаика, от которой люди непременно хотят отстраниться, чтобы жить в мифе прогресса. Это же происходило и во времена Сократа, который жил в 470–399 г. до н.э. От той архаики, представителем которой был Сократ, демократические Афины хотели избавиться, присудив его к смерти. Корни нонконформизма Сократа находились в толще народной культуры, которая построена не иерархически, а распределительно-топически². 3). Сократ был философом, применившим в качестве мыслительных средств ментально-поведенческие акты, взятые им из народной культуры. Эти средства, какими бы простыми они ни казались, в сущности по духу были аристократичны, что косвенно подтверждается тяготением к нему аристократической молодежи и высокая оценка со стороны Платона и Ксенофонта. Наука давно нуждается в отказе от стереотипов в отношении к народной культуре, а это требует быть особенно внимательным в

подходе к проблеме аристократизма и достоинства и строго отличать народную культуру от простонародной культуры гораздо более поздних времен, созданной для обслуживания социальных верхов. Всё нижеисследующее, собственно, есть развернутое изложение этих тезисов, особенно третьего.

Есть личности, которые определяют на целые столетия характер жителей своей страны. Но загадочная личность Сократа, хотя и пошла вразрез с мнениями жителей Афин, которые он в сущности никогда не покидал, и даже был ими уничтожен, тысячелетиями влияет на европейскую и мировую цивилизации. Внимание к Сократу возрастает в поворотные эпохи. Так было в первые десятилетия в России, когда Василий Сеземан писал об утрате чувства реальности, о возросших отрицательных, меонических началах³. И вроде учения, четко изложенного, Сократ нам не оставил, разве что интересовался нравственными основами общества. Нельзя все же сказать, что он просто низвел проблематику философии с уровня космоса на земной: в описании Ксенофонта приведено много размышлений Сократа об устройстве природы. Это Платон не придавал значения такой стороне сократовской мысли. Зато Платон по достоинству оценил огромное значение Сократа для западного мира.

Все же Сократ первый мыслитель о нравственности. Иначе говоря, он основатель философской антропологии. Вот почему его имя столь значимо для европейской цивилизации, поскольку основа цивилизации в отличие от более широкого понятия культуры лежит в сфере этики. Итак, по словам князя С.Н.Трубецкого, «личность в высшей степени оригинальная, загадочная в самой своей деятельности и многогранности»⁴. Может быть, такое суждение о Сократе мы даем с позиций всей европейской истории, где много столетий царил дух корпоративизма: похожий на силена Марсия (так считали афиняне), сын каменотеса и повитухи, регулярно избиваемый сварливой женой. Где уж тут до калокагатии, учения о совершенном, к чему стремились философы, некоторые из которых сами были красивы духом и телом⁵. Дело в том, что Сократ стоял близко к началам не только философии, но близко к народной жизни с ее постоянными этическими проблемами, где истина не нормативна, а агональна, достигается в столкновении интересов. Напрасно другой отечественный мыслитель, Николай Александрович Бердяев, где-то пренебрежительно отозвался о народной культуре как о неспособной породить философию.

Хорошо известно, как много Сократ занимался добродетелью — arete. И не только он. И со времен античности принято понимать arete как совершенство, например, в воинской доблести, в профессии. Го-

ворилось об arete, лежащем в основе кузнечного ремесла. Но в первоначальном, сократовском понимании добродетель формулировалась так: «было бы лучше не попадать в неприятные ситуации»⁶. Так Сократ открыл дорогу к своей концепции знания, суть которого состоит в приведении всеобщего понятия добродетели в надлежащее место. Его эвристические процедуры были аналогичны повивальному искусству (майевтике) — выявлению того, что скрыто, чем человек уже обладает, но с приданием этому знанию более четкой формы. Сократовская эпистемология, основанная на трактовке майевтики, следовала протоиндоевропейской концепции родильной деятельности, в которой для последа, вышедшего из материнского организма, применяется название «место». Можно думать, что то особое внимание, которое Сократ направлял на работу с молодежью (и за что платился), было продолжением родильного искусства, направленное затем на формирование молодежи, а не детей. Во всем ареале индоевропейских культур, как и в некоторых соседних, принято после рождения «доделывать» ребенка: опытные женщины правят младенцу нос, голову, выпрямляют ноги и т.д. В этих концепциях человек имеет длительное юношество: в старину на Руси парни до 15 лет не носили штанов, а в Абхазии в начале XX в. 25-летние парни и девушки купались вместе, что в современности недопустимо. Также не случайно, что Сократ использовал понятие эроса (чувство плотской любви) для обозначения желания видеть в любимых людях идеальное совершенство.

Главное не то, что мы думаем, а то, что мы делаем в своём ремесле плотника, гончара, поэта — вот суть того, что горожанам на площадях и перед рынком проповедовал Сократ. Каждому надо найти своё место. Там и находятся добродетель-arete и достоинство человека. Греция хорошо знала гомеровский эпос. И, конечно, то место в «Одиссее», где царь Одиссей похваляется, что был самым выносливым среди жнецов и что он сам себе из пня делает кровать⁷. Так царь находил своё место. Да и бог Аполлон в наказание за убийство Пифона не погнушался год побыть пастухом.

Сократом перед нами развертывается топика жизни. Это скрытая суть его побуждений в адрес сограждан и всех нас — найти своё место в жизни. Значит, место существует до нас, а нам предстоит его занять. Это место нельзя считать только знаком, это не общественная маркировка, условность. Свое место предстоит каждому искать, бороться за него всю жизнь, как боролся Сократ до самой смерти, к которой отнесся как к достойному его месту. Есть пустые места, куда ступать не следует, вроде позора, о чем он тоже предупреждал в своей последней речи. Своё место было избрано Христом. Свою концепцию места Сократ иллюстрировал смертельным выбором Ахилла.

В античности, видимо, острее ощущали власть места, власть умеренности и не путали с политической властью. Антигона всё-таки хоронит своего брата-преступника Полиника несмотря на запрет, за что и сама была замурована в стену. Власть долга, власть ответственности отличали от власти-господства, от власти-насилия. Для греков V в. до н.э. еще была актуальна борьба общественных принципов — отцовского и материнского права («Орестея» Эсхила), уникально-естественное право умеренности («Антигона» Софокла).

Мы имеем свидетельства, что и в другие переломные эпохи значение умеренности возрастало и это относится к народной жизни. В России после отмены крепостного права возникли крестьянские волостные суды, которые судили не по писаным нормам, а «по правде», «по совести»: дать ближний надел или лучшую землю многодетной вдове, взять рекрутов в той семье, где много сыновей и т.п.

Аристотель в «Топике» ясно различает позиции философа (ученого) и диалектика, то есть того, кто строит доказательство в рамках существующей системы знания, и того, кто стремится доказать для другого, то есть находящегося полностью или частично за пределами этой системы знания. «Пока дело идет о нахождении [подходящего] топа, исследование одинаково у философа и у диалектика. Но установить, в каком порядке и как задавать вопросы, — это задача одного лишь диалектика, ибо все это *обращено к другому лицу* (курсив мой. — А.М.); философа же, то есть ведущего исследование для себя, это нисколько не занимает, лишь бы были истинны и известны [посылки], посредством которых делается умозаключение, хотя бы отвечающий и не соглашался с ним, поскольку они близки к [положенному] вначале и он предвидит то, что из них впоследствии; скорее философ будет стараться, чтобы положения были возможно более известны и близки к началам, ибо из них получают научные умозаключения»⁸. Этот сложный пассаж я привожу для того, чтобы показать отличие топики Аристотеля от топики Сократа, вечно обращавшегося к другому лицу, получая «начала» в процессе диалога из материала самой жизни.

Этикет и этос

В настоящие времена почему-то этикет (правила общения) нам кажется чем-то архаическим. Вообще-то я вряд ли теперь когда-либо буду участником события, поразившего меня 30 лет назад. Дело было в Питере, где я пришел в Географическое общество для того, чтобы

послушать лекцию Льва Николаевича Гумилева. В зал заседаний общества там ведет красивая чугунная лестница. Поднимаясь по этой лестнице, я увидел Льва Николаевича, стоявшего на площадке перед дверью в зал. Что-то в нем всегда было сократовское: и в фигуре и в манере добродушного по тону общения. Он пришел за полчаса до лекции и встречал всех посетителей. Мужчинам он пожимал руку, а женщинам, которые подходили к нему и знали толк в этикете, руку целовал. Потом происходило обычное чудо – выступление Льва Николаевича, подобное тем, которые я уже слышал на Восточном факультете ЛГУ, также у него дома на Московском проспекте. Что же все-таки происходило перед лекцией тогда в старинном особняке Географического общества? Само выступление было несомненно поведенческим актом пассионария. Но происходившее вначале перед залом, что это? Обряд встречи? Ритуальное шествие или даже танец? Сцена из театра прошлых столетий? Проявление высочайшей культуры, которую хотелось бы увидеть еще раз в будущем? Все это вместе.

Сейчас я хочу сделать только еще один комментарий по поводу рукопожатия. Время от времени встречается ходовое объяснение этого жеста как доказательство добрых намерений приветствующих друг друга людей: дескать, они показывают, что в руке у них не зажат камень для вооруженного столкновения. Я, право, не знаю, какому сообразительному человеку эта выдумка принадлежит. Видно, он не знал, что во многих культурах народов земли приветствие происходит с тактильным контактом людей. Рука участвует в этом контакте. Семантически она продолжает указательный жест, древнейший человеческий жест. Но в рукопожатии с этим протожестом происходит разрыв, в котором вырастает новая семантика дружелюбия – человек выделен из всех прочих. Рукопожатие развилось в европейском быту после того, как с исторической сцены ушли феодальные времена. Там бы оно казалось неуместной фамильярностью. В новое время рукопожатие стало маркировать персональный уровень отношений. А вот во все предшествовавшие времена приветствовали поднятием руки – знак того, что человек стремится попасть в поле зрения других людей. В иных культурах применяют совсем другие средства выражения солидарности. В Тибете, например, в знак приветствия показывают язык – знак внутренней близости встретившихся.

Если обратиться к семиотике пространства, то позиция Льва Николаевича, занимаемая им на верхней лестничной площадке, была статусно более высокой, чем позиция его гостей, поднимавшихся по лестнице снизу. Таковы, например, ранги пространственных уровней у горцев Кавказа: человек, находящийся на более высокой точке или

спускающийся с горы, имеет более высокий статус, чем идущий снизу. И последний должен первым приветствовать находящегося выше. Собственно, так поступали и мы все, пришедшие на лекцию Льва Николаевича.

А как складывается ситуация, если общение происходит не на разных высотных уровнях, а в одном горизонтальном пространстве? Здесь мне хочется привести один пример, которым я обязан рассказу нашего крупнейшего специалиста по сакральной географии Севера Николая Михайловича Теребихина. В молодые годы он работал в ненецкой тундре в археологической экспедиции. Работа не задалась, потому что пошли нескончаемые холодные дожди. Время приходилось коротать в палатке и согреться спиртным. Однажды, когда они время от времени выходили из палатки, то увидели, что откуда-то с просторов тундры на нарте в упряжке оленей к палатке подъехал ненец и остановился от нее в метрах 60–80. Он был одет в меховую малицу (глухую одежду из меха). Встав на нарты, он оставался неподвижным под дождем и только смотрел в сторону палатки больше часа. Раскопщики не могли сразу понять, что у ненца есть дело именно к ним — ведь он слишком далеко остановился от палатки, не подошел близко, не обратился со своей просьбой в словах. В конце концов, кто-то один подошел к ненцу и позвал его зайти в палатку. Оказалось, что этот человек тундры тоже просто нуждался в спиртном. Но заметьте, какое большое расстояние он избрал для общения. Расстоянием от палатки и терпением он отметил чувство своего человеческого достоинства! Пространство здесь маркировало степень его самоуважения.

Отметим вроде бы странную вещь: во всех приведенных нами ситуациях этикет оказывается связанным с рельефом местности.

Но пока еще одно наблюдение, относящееся к ненцам. Совсем недавно по телевидению показывали двух ненек, одетых в национальные меховые костюмы, которые демонстрировали в каком-то московском центре изделия своего ремесла. Ведущий очень бойко их представил и спросил одну женщину, как называются ее изделия. Она сказала ненецкое слово. Он уточнил, идет ли речь именно об этом предмете. Оказалось, что не о нем и что она произнесла по-ненецки слово «здравствуйте!». Чуть смутившись, ведущий продолжил свою работу.

Исследователи, изучавшие эскимосов Гренландии, обнаружили у них представление о том, что первые европейцы появились в их краях, чтобы узнать людей с хорошими манерами и чувством собственного достоинства⁹. Это похоже на то, что русские исследователи на-

родов Сибири называли эвенков (тунгусов) из-за их вежливости, входящей до галантности, «французами тайги». Западные исследователи, побывавшие на Кавказе в XIX в., «французами Кавказа» называли абхазов.

Американский антрополог Клиффорд Гирц, работавший в Индонезии в 1960-е гг., обратил внимание на роль этикета у яванцев. Там люди, не обладающие всем комплексом этикета (дети, грубияны, простаки), «еще не яванцы». Считается, что яванцу свойственна эмоциональная уравновешенность, внутреннее спокойствие, что лежит в основе понятия «благородный характер». А «кто не яванец, тот не человек». Эта максима, резко подчеркивающая роль этикета, более смягчена у правоверных евреев («быть евреем трудно»), а также у чеченцев (звучит аналогично – «быть чеченцем трудно»). От частного к общему или наоборот направлен этикет? Или он рождается в мучительном столкновении обоих векторов?

В исследованиях Барасби Бгажнокова, посвященных этикету адыгов, подчеркиваются центростремительные тенденции проксемического поведения – этикет присоединения человека к другому или к группе¹⁰. В моем опыте кавказологических работ этот тезис подтверждается, но только как самоописание этикета носителями культуры. Кроме того, в самоописаниях всегда указывается место женщины и мужчины, младшего и старшего. Обычный пример: младший должен идти слева от старшего, но если идут трое, то самый младший перемещается на крайнее место справа, «чтобы отделиться от группы, если надо выполнить поручение самого старшего, находящегося посередине». В приведенной ситуации виден уже центробежный принцип этикета, который формально описывается через возможную ситуацию пространственного удаления младшего.

Но принцип Бгажнокова все-таки верен, ибо он указывает на широкое, в пределе общечеловеческое пространство, из которого благо этикета устремляется к конкретным людям. Поэтому-то эскимосы говорят, что европейцы прибыли к ним учиться этикету – они видят в своих нормах общечеловеческое начало. Теперь нам понятно, почему древние греки при встрече говорили друг другу «хайре!» (радуясь!) – это выражение чувства человеческого единения. Отметим, что встреча воспринимается как неожиданность или приятное узнавание другого человека, т. е. как виртуальное происшествие.

В связи с историей рукопожатия мы коснулись того, что оно происходит из указательного дистанцированного жеста. Но и этикет ведь – иносказание дистанцированного жеста, что ярко демонстрирует ситуация, описанная Н.М.Теребихиным, когда ненец стоял на расстоя-

нии, меньшем того, на котором узнается человеческая фигура (100–120 м), и гораздо большем, когда узнаются черты лица человека (10–20 м). Неузнаваемый персонально ненец этим самым говорил, что он просто человек. Такой же, как находящиеся в палатке. Иначе говоря, он предьявил себя видимым как человек, но невидимым как личность.

Будде приписывают такое изречение: «Это прекрасно видеть, но страшно быть». Здесь сознание противопоставлено бытию с его страданием. Сознание лишено видения, так как не имеет сущности, ибо она невидима. Ненец, стоявший на нарте, вел себя буддийским образом. Гумилев перед своей лекцией как носитель своего сокровенного знания-видения был ритуально невидим. Вот и Сократ в своей неказистой «невидности» нес сокрытое человеческое. Он был этикетный человек и хотел научиться танцам.

Слово как описывающая система

Но мы, люди, должны видеть, чтобы знать, куда шагнуть, не попасть в неположенное место, не вляпаться в грязь. В Ингушетии мне удалось записать странную на первый взгляд пословицу: «Прежде, чем шагнуть, посмотри; прежде, чем сказать, оглянись». Относительно того, что посмотреть, можно понять это хотя бы натуралистически. Ну, а оглядываться-то зачем? А затем, что сзади нас, существуя до нас и нас направляя, находится Слово. Оно-то и позволяет сделать правильный шаг. Оно этически центростремительно и предупреждает делать шаг осмотрительно. Если же шаг сделан ошибочный и мы ступили не туда, куда следует, Слово может очистить от загрязнения. В священной индийской книге «Атхарваведе» есть бог «Повелитель речи». Речь сама по себе очищает человека. Есть такой там заговор «Против дурных знаков на теле»:

То ужасное, что есть в твоём существе, на теле
Или что в волосах, или в облике (твоём)
Все это мы выбираем речью¹¹.

Поэтому в архаике функция поэта приравнивалась к жреческой и шаманской: его речь была призвана очищать мир.

Зряшное слово само загрязняет мир. «Слово не воробей, вылетит, не поймаешь». От того-то в кавказском доме, где блюдут законы этикета, никогда не ругают молодую невестку, приведенную в этот дом. За сделанную ею ошибку пожурят дочь, а невестка, если сообразительная, поймет что к чему.

Из ингушской пословицы следует, что Слово существует до нас, в более раннем времени. Кавказские языки сохранили мысле-образы этого начального времени. В вайнахских то раннее время называется «передним», а то настоящее время, в котором мы живем, называется «спинным» (в смысле «заднем»). В карачаевском и балкарском, относящихся к тюркской группе, самое раннее время именуется «носовым». В их фольклоре есть такая констатация положения дел: «Когда мы жили в носовом времени, то сидели под камнем и ели зайчатину». Это мысле-образы архаики: заяц — существо беспорядочно и быстро размножающееся и поэтому исключенное на Кавказе из системы питания; камень — понятие о месте первоначального появления людей, до сих пор пронизывающее весь кавказский фольклор намеками на человеческую половую страсть (скала Богини охоты Дали у сванов, подобная скала в балкарском эпосе о охотнике Бийнегере); отзвуки чего мы находим в древнегреческом мифе о скале Прометее; «носовое» время — время начала и первого вдыхания воздуха (души), по отношению к которому мы удаляемся лицом к нему. Позиция к начальному времени на Кавказе маркирует старшинство близнецов: старшим считается тот, который родится вторым — ведь он ближе к исходному времени. Отзвуки такой концепции времени есть в русских летописях, где первые князья именуются «начальными».

С этим связан митраистический миф о «Родящей скале». Из этой скалы вышел солнечный бог Митра. Исследователи уже проводят параллель между родящей скалой и пещерой, в которой родился Иисус¹².

Что касается первого Слова, то оно несомненно фонетически было связано со вздохом и выдохом, о чем свидетельствует фонетическое выражение кратковременного физического или психического акта, вроде «ах», «ух». В семитских языках отсюда происходит название духа (руах) и «Ху», одно из имен Аллаха.

О том же свидетельствует мягкое «г» в русском сакральном произношении имени Бог. Примечательно, что в обыденных фразах оно звучит соответственно обычным нормам русского языка («Бог с ним», «Бог его знает», но молитвенное «не дай Бог», мягкое «г»).

Короткое слово, наиболее приближенное к звуку дыхания, иногда становится обозначением самого ценного ресурса жизни — хлеба. В Дагестане, где представлены десятки языков, рассказывают такую историю. Бог однажды решил, что кусок хлеба достанется тому, у кого самое короткое слово для хлеба. Соревновались лакец, аварец и даргинец. Хлебом завладел лакец.

Нет ничего удивительного в том, что слово наполнено самой большой творческой мощью, звучит так же как выражения жизнедеятельности организма и как название хлеба. Так же нас не долж-

но удивлять, что это слово, описывающее весь мир, должно родиться раньше него. Описывая мир, это слово его заклинает. В работах А.Ф.Лосева показано, что философия в сущности выражает внутреннее содержание слов и имен. Слово — орган оформления самой мысли. Лосев ссылаясь на то, что «софия исконно означала мастерство»¹³.

Здесь надо добавить, что Лосевское наблюдение констатирует исходную орудийную деятельность в начальных временах. Безусловно, это мастерство было направлено на камень. Камень сам по себе нес потенциал орудийной деятельности. Поэтому он легко превращался в фетиш. Вспомним сценку в «Первобытной культуре» Э.Тейлора, где он ссылается на автора XVIII в., который рассказал о гвинейском негре, вышедшем из хижины и вдруг обратившим внимание на камень. «Ага, вот и ты?», — воскликнул этот человек. Он поднял этот камень и отнес его в свое хранилище фетишей. Здесь фрагмент реальности был порожден синтагматическим рядом: мыслью, топоментально порожденной камнем, континуумом абсолюта, выраженного словами и конкретным реальным действием (локализация мысли). Описанная ситуация полностью соответствует рассказу моего знакомого охотника из Подмосковья, который зимой около стога соломы поставил на лису капкан. Когда он увидел, что она попалась, он воскликнул: «Ага, попалась!».

Итак, Слово несет с собой из начального скального времени свою каменную твердость. Вот поэтому мы и говорим, что «даю твердое слово», имея виду его первоначальную надежность и неизвращенность. В этой чистоте заложена потенция Слова охватывать весь мир, его описывая.

Вот пример. В старину на Руси были популярны обряды «окликания весны» и «окликания Егория». Эти ритуалы предворяли весенние работы. В последний день перед «Егорием» (23 апреля) группа окликальщиков обходила все дворы деревни с пением песен-заклинаний благополучия хозяев и покровительства св. Егория над скотом. После Егорьева дня уже было можно выгонять в поле скотину¹⁴. Так же кое-где на Кавказе Слово-заклятие, слитое с ритуалом, предворяло настоящие работы на обряде зимней пахоты снега. В старой литературе о подобной пахоте говорится и у украинцев: «во время святок пашут землю, как бы приготавливая ее для посева, песнями и телодвижениями представляют процесс пахания»¹⁵.

Не только производственные акты предворяются Словом-заклятием, но и само рождение человека. Оно звучит на любой свадьбе.

Всё приведенное объясняет настороженное отношение Сократа, как носителя архаики, к письменной фиксации Слова.

Трикстерство Сократа

Хельмут Плеснер, один из основателей философской антропологии, видел ее предмет в рассмотрении человека как существа, стремящегося выйти за рамки непосредственного существования. Отсюда у Плеснера следовал тезис о непрерывном самоизменении человека, который всегда находится «вне места», то есть в «ничто». Отметим также, что сущность человеческой позиции в мире Плеснер видел в «эксцентричности», где акты автоматического поведения сочетаются с преднамеренным поведением личности¹⁶. Ниже мы обратим особое внимание на этот последний тезис Плеснера в связи с проблемой архаического трикстерства (клоунады). Но сейчас обратим внимание на то, что, по Плеснеру, человек не может быть определен окончательно — ведь средства описания ограничены историческим продуктом жизнедеятельности. Плеснер предупреждает о тщетности попыток «найти основания человека». По Плеснеру, философское мышление не может быть таким же всеохватывающим, как жизнь, и вместе с тем оно шире этой самой жизни¹⁷.

Возникает вопрос: как же может мышление, выраженное Словом, быть описывающей системой по отношению к описываемой — насыщенной частностями жизни? Описывающая система, носитель всеобщего, способна наращивать свою мощь за счет элементов, воспринимаемой от описываемой, т. е. элементов реальности, в нашем случае частностей жизни и всей полноты природного бытия. Тогда обе системы, описывающая и описываемая, развиваются не только во взаимодействии и параллельно, но и с опережением описывающей системы. Это имеет такие следствия.

1. Опережающие средства описывающей системы образуют культуру. Причем культура в таком понимании лишена привычного противостояния природе, ибо культура использует компоненты природы для наращивания своей описывающей способности.

2. Описывающая система культуры поставляет обществу идеал, ориентирующий, как горизонт, его развитие.

3. В этом случае описание выступает в виде проекта, на что сейчас в общественных науках обращается особое внимание. В проектном описании возникает новый объект, требующий особого рассмотрения, т. е. новой предметной экспозиции. Говоря проще, культур-

ное описание обладает аналитической способностью разоформления. В этом случае такое описание принимает вид гуманитарно-антропологической экспертизы.

4. Видом соотношения описывающей и описываемой систем является принадлежность человека этнической общности (у Плеснера «народности»), которая лежит в основе возможности обращения человека к другому на «ты»¹⁸. Это развитие мысли Мартина Хайдеггера, которым еще в «Бытии и времени» был выдвинут тезис о вброшенности индивида в народ и о подлинности такого существования в отличие от обезличенности.

Вот в том-то и дело, что Слово, которое рождается в начале времен и может забежать впереди всякого времени, является народным. Это действительное выпрямление времени. А мы-то, следуя за поспешными мнениями некоторых авторов, считали, что в народной культуре, как и в архаике, было известно только малое циклическое время хозяйственных процессов. В такую концепцию удачно встраивалось что угодно, но прежде всего первобытное мышление Люсьена Леви-Брюля, плавно перестроенное современными авторами в мифопоэтическое, но столь же ограниченное. А тут выпрямленное время на манер керигматического, иначе говоря, время, в котором заложена способность исторического мышления.

Книга М.М.Бахтина «Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья», вышедшая в свет в 1965 г., породила бесконечное множество аналогичных исследований, правда, более локального значения. Такова, например, теория животного происхождения смеха. И все же, концепция смеховой культуры пока не вышла за специальные культурологические рамки. Она почти не осмыслена философски. Это при том, что Х.Плеснер заложил в основание философской антропологии понятие об эксцентричности человека, о чем мы упомянули выше. Придется нам философской мысли Плеснера дать надежное дисциплинарно-антропологическое обоснование. Для начала сообщим некоторые красноречивые примеры смехового поведения из одной полноценной сводки.

Вот в Западной Чехии молодежь, идущая на Пасху в церковь, просто обязана балагурить и смеяться ради того, чтобы летом весь скот был резвым. А в Германии что-либо острое надо передавать другому со смехом, «чтобы не порезать любовь». На Руси в старину лен нужно было убирать и мять со смехом. На Ближнем Востоке 25 марта в праздник Великой Матери положено было веселиться и смеяться, этим поминая страдания и смерть бога Аттиса. По греческим и немецким народным верованиям ворчание грома – это его смех. На о. Сардиния есть

растение *Sardonica herba*, которая вызывает, как считали, божественный «сардонический» хохот. Кстати, в сардинском фольклоре есть сюжет о лягушке, смешными рассказами заставившую повеселеть страдающую Мать богов. Этот сюжет напоминает древнегреческий миф о тоскующей по дочери Деметре, которую рассмешила служанка Баубо. Такой же эффект имела в скандинавской мифологии проделка бога Локи, прицепившего себе козлиную бороду и рассмешившего бога Сканди, находившегося в трауре. Тут уже недалеко до сказок о Несмеяне, выведенной героем из состояния тоски. Впрочем, подобных сюжетов в мировом фольклоре множество¹⁹.

Что тут проступает, в этом пестром, но интригующем материале? То, что смехом человек приближается к могущественным, но не познанным божественным силам, порождающим жизнь. Смеются прежде всего боги. Это к ним относится «гомерический хохот», который у богов был вызван смущенным видом прелюбодействовавших Ареса и Афродиты, накрытых сетью Гефеста. А люди смеются, ощущая в себе нечто божественное. Это божественная производительная сила. Как мы видели на одном примере, она делает скот более здоровым. Смех может быть предвестником рождения человека. Так у якутов-саха считается, что та из молодых женщин, которая засмеется на празднике родин, родит на следующий год. Этим божественным смехом будущей матери еще не зачатый ребенок посылает в мир опережающую весть о себе. Смех в основе эротичен и поэтому обращен к телу. Поэтому без карнавала не обходится ни одно общество на земле от австралийских аборигенов до самого северного народа в России, нганасанов, у которых бывает настоящий карнавал с эротическим поведением персонажей.

На опережающей вести в форме поздравлений, известий о рождении или смерти, и т.д., собственно, и строится весь этикет. Причем такая этикетная информация из аксиальной (от человека к человеку) стремится перерасти в ретиальную (информацию всем). Сократ, который из техники повивального искусства сделал свою тонченную эвристику, шел именно этим путем, превращая частную информацию во всеобщую. Но в самом начале его вопрошаний всегда была ирония, скрытый смех. Именно иронией он заставил себя убить²⁰. Так в строгом соответствии принципам своего мышления Сократ должен был ответить на сатиру афинян (смех, идущий в обратном направлении — от ретиальности к аксиальности и направленный на отдельных лиц), что выражалось в комедии Аристофана и прочих глумлениях.

Сократ поставил себя в положение архаического клоуна, приняв сосуд с цикутой. Что делают его прототипы? «Магическая жидкость» атрибут всех клоунов. Что это такое, рассмотрим на примере племени акома в Нью-Мексике. Там на посвящении новичка в ремесло сосуд наполняют бурым травяным настоем. Один из стариков, руководителей инициации, мочится в этот сосуд, другой туда сморкается. Одна из женщин бросает туда волосы, вырванные с лобка. Шеф праздника набирает в рот «магическую жидкость» и обрызгивает присутствующих и новичка. Потом этот новичок еще должен сделать из сосуда 4 глотка. В конце церемонии женщина, изображающая его новую мать-богиню, ему говорит: «Ты ничего не бойся. Для тебя нет священных вещей. Ты можешь войти куда захочешь». Аналогично обстояло дело у многих других индейцев Америки²¹.

Лаура Макариус, на которую мы только что ссылались, сделала также важный теоретический вывод. Она отметила, что клоун в любом обществе выполняет функцию искупления: люди на него навешивают все невыносимое. Он несет на себе груз нарушений порядка, чем отличается от нормальных людей. Он, по ее мысли, выражает противоречие между индивидом и обществом²². Клоун аналогичен библейскому козлу отпущения, которого ритуально нагружали человеческими грехами и отпускали в пустыню.

Клоун — индивидуалист, — констатирует Макариус²³. Но Вячеслав Иванович Иванов смотрел еще глубже: он говорил, что клоун одновременно страдает и издевается, он — жертва и жрец вместе²⁴. Здесь все спрессовано в одно мгновение. Недаром Генрих Белль в романе «Глазами клоуна» сказал: «Я клоун, коллекционирующий мгновения»²⁵. Какие мгновения вообще улавливает клоун?

Тело клоуна деформировано, гротескно. У него длинный нос или нос картошкой. Большие ботинки. Лицо раскрашено — в этой раскраске есть сходство клоунов всего мира. Так у бирманского шута «лубье» щеки в белой краске, красная и черная полосы вокруг глаз. Знакомый нам с детства образ. Подобную раскраску делают на лице воины папуасов и индейцев Амазонии — они идут на смерть, они «уже мертвые», поэтому им нечего бояться. Так, значит, клоун — существо, побывавшее на том свете? Именно. Мгновения, которые собирает клоун, это потустороннее время. Потому смех его трагичен.

Его нос, одежда, все это говорит, что это существо оттуда. Так чего же ему бояться яда или «магической жидкости»? Тем более, что суть «магической жидкости» как раз в том и состоит, чтобы при всех выкрутасах клоуна обеспечить ему уникальное и все стабилизирующее место. По этому же принципу действуют прочие магические сна-

добья, напитки любви, молодильные яблоки и боюсь, что «научные» рецепты здоровой пищи, столь популярные в современном мифологическом мышлении.

Сократ о хлебе насущном

Оборотная сторона этого мышления – стремление скрыть философско-онтологическую роль пищи, отправить ее проблемы в музей архаики или сделать частным делом, снизив престиж кулинарии рамками женской культуры. Правда, после второй мировой войны, а в нашем отечестве лет уже 15, идет реабилитация пищевой культуры вместе с повсеместным оживлением институтов архаики. В древности отнюдь не пренебрегали проблематикой пищи и питания, доведя это до уровня философских симпозиумов в первоначальном смысле этого слова. Этикет питания становился особо значимым в праздники и, прежде всего, связанные с Дионисом. Ведь его ребенком съели титаны, сожженные затем, а из их праха, содержащего божественное начало, были созданы люди. Кстати, и сам оживленный Дионис понимал толк в еде и в вине: «Широко разевающий рот» – одно из его прозвищ²⁶. Отдавал ли себе отчет Сократ, который питался, чем попало, что он похож на Диониса? Кажется, что да, иначе не произнес всем известное: «Иные люди живут, чтобы есть, а я ем, чтобы жить».

Универсалия мировой культуры – представление об одновременном появлении пищи и смерти. Вспомним миф о Прометее, благодаря которому люди узнали благо приготовленной на огне пищи, но и стали смертными. Смерть может снабжать нас пищей, по поводу чего Гераклит высказался следующим образом: «От мертвых приходит к нам пища, семена и способность к росту»²⁷. Философ античности, стоявший ближе других к «архаике», этим утверждал, что через пищу смертная сторона мира выворачивается на жизненную сторону. Эту истину отстаивал тысячелетия спустя Ф. Рабле образами Гаргантюа и Пантагрюэля. Но не в сытости же цель тысячелетий философско-антропологической напряженности мысли. Пища, вошедшая в нутро, выталкивает наружу порядок жизни, ее смыслы и доказательства истинности. «Клянусь хлебом!» – это выражение не только русского языка. Частное преобразуется во всеобщее.

Пища – это важнейшее место, которым мы пользуемся, находясь в проходящем мире, но получая блага жизни. Получается, что с потреблением пищи наше тело на какое-то время из тленного стано-

вится благодатным. Оно выворачивается. В этом направлении шла архаическая мысль и породила здесь не только житейские, но и космогонические концепции. Так у народов Амура весь мир возникает из пищевых изрыганий шамана. Вывернутое тело дало у народов Сибири и американских индейцев целый художественный стиль, где на теле существа изображаются скелет и внутренние органы. Часто на сибирских шаманских костюмах изображается скелет. Упомянем, наконец, и о другой мифологеме американских индейцев, согласно которой мир возник из экскрементов божества-трикстера, как Вак-чжункаги у племени виннебаго.

Осколки представлений о внутреннем теле, из которого мы выходим, удастся мне обнаруживать в исследованиях детской культуры. К примеру, в колыбельной чеченских женщин говорится о ножке ребенка, которая вся обгажена, мать эту ножку вытирает — мысль та же, ребенок должен выйти из «прасубстанции». С другой стороны, на Кавказе старики, носители традиционной культуры, ведя мудрые речи, сплевывают на землю в самых значимых местах — мир продолжает твориться.

Душа Сократа

У народов Кавказа вообще много параллелей с сибирскими шаманскими культурами. В развиваемой мной концепции феномен кавказского долгожительства обязан шаманским взглядам — долгожитель постоянно творит мир своим внутренним телом. У кетов в Западной Сибири прямо говорят, что шаман должен быть долголетним, а у ненцев, что душа шамана бессмертна²⁸.

В антропологической литературе эволюционистского толка было принято анимизм с его верой в душу считать появившимся где-то в конце первобытности после существовавших до того тотемизма или фетишизма. На деле внимательное прочтение следов верований древних людей говорит, что душа и была тем местом, вокруг которого мыслилась жизнь человека. У австралийцев больной это человек «без души». Однажды в племени арунта сбежала к соседям женщина. Беглянку попытались остановить, сделав ее изображение и поставив на нем точку — место души. Что здесь: место фиксирует душу или душа и есть место? Скорее второе, потому что действия людей творят эту закрепленную душу. Здесь полный аналог поведению аборигена, который, узнав, что колдун иного племени провел против него смертную магическую операцию, в ужасе умирает.

Свидетельств о разных местопребываниях души в теле человека из других концов света существует преизбыточно. Дело в том, что душа — не просто внутренний принцип жизнедеятельности, он всегда соотносится с иными побудителями жизни. В развитых монотеистических религиях это Бог. В первобытности это прежде всего родственники человека, а также люди совсем другого племени, ибо у австралийцев существовал обычай отдавать пуповину (кальдук) родившегося ребенка в иное племя. Кальдук кочует с чужим племенем неизвестно где — и человек свободен. Поэтому родственники австралийской беглянки претендовали на то, что, зафиксировав ее душу, смогут вернуть женщину.

Совершенно архаичной была одна сценка в Абхазии, свидетелем которой я был в 1980-е гг. Там на публике родителям традиционно было не положено ласкать даже малолетних детей. Зато это делают ближайшие родственники. Один такой мужчина, приехавший из дальнего села, поднял на руки 2-летнюю девочку и стал ее целовать в попку, в промежность и в другие места, приговаривая «Дай я тебя поцелую в душу мамы», затем в «душу папы», «душу бабушки», «душу дедушки». У взрослого душа по абхазским воззрениям находится в ярменной ямке — считалось, что сюда за кольчугу воина мог проникнуть смертельный удар кинжала. Более архаично представление о странствующей душе: днем она под ногтями пальцев рук, вечером под ногтями пальцев ног. Ногти как бы внешняя оболочка тела. В старых русских представлениях бытовало мнение, что первоначально у человека все его тело было покрыто ногтями.

Все это мы приводим в доказательство того, что древнейшее положение души было не внутри тела, а на теле или даже в отдаленном месте. Это место на теле человека до сих пор у многих народов занимает дух-хранитель человека, сидящий обычно на плечах. У многих кавказцев в зоне влияния ислама это два духа: на левом плече тот, который записывает худые поступки и мысли, на правом добрые. С внешней душой была связана идея отдельных (парциальных) душ органов тела человека, а также идея множества душ, у тайских народов Индокитайского полуострова достигающего числа 32. Следом древнего внешнего нахождения души остались широко распространенные представления о путешествиях души во время сна.

Теперь есть все основания предположить, что Сократовский «даймон», с которым он постоянно советовался, был ничем иным, как внешней душой человека, хотя он сам трактовал его как внутренний голос. Даймоны в древнегреческой религии считались детьми богов от более низших духовных существ, например нимф. Дети дивной

красоты, найденные в роще на поляне, считались детьми нимф²⁹. В древнегреческой архаике эти даймоны, находящиеся вне культурного пространства, могли причинять болезнь, как это подтверждает Одиссея (гл. 5, 396). Сократ подверг реформированию это верование в даймонов, живущих в природе, которое к его времени уже уходило в небытие, превратив их во внутренний нравственный голос.

Но было бы ошибочным выводить всю мысль Сократа из одного какого-то источника, даже очень важного. Что касается религии Сократа, тут есть еще одна значимая сторона — Элевсинские мистерии. Они просуществовали с незапамятных времен вплоть до разгрома Эллады готами. Каждый житель Греции, даже раб, мог стать посвященным (мистом), нужно было только знать греческий язык. Особенно важным прохождение мистерий было для молодежи, ибо они играли роль в определении будущих занятий человека. В ходе мистерий, где иницилируемые испытывали в темноте странные ощущения, даже шок, они созерцали ночное небо и в конце концов пшеничный колос, постигая все смысловые понятия древнегреческой цивилизации. В конце мистерий иерофант (их руководитель) спрашивал посвященного о его ощущениях. Согласно им он рекомендовал кому-то стать политиком, кому-то военачальником и т. п. Тем, кто ничего не испытывал, он советовал не огорчаться, а завести семью и быть добропорядочным членом общества. Судя по всему Сократ скептически относился к Элевсинским мистериям. Так жрица Диотима говорила, что она не уверена, что Сократ способен достичь высшей ступени в мистической иерархии. Отношение Сократа к своему даймону явно показывает, что его не мог удовлетворить пассивный душевный опыт мистерий. Ведь его общение с даймоном полно риска и ответственности.

После Сократа «даймонион» — демоническое явление рассматривалось у неоплатоников и отцов церкви. В нем видели демона, даже черта, ангела, наконец, аллегория и галлюцинация³⁰. С.Н.Трубецкой, как многие другие, положительно отмечал веру Сократа в бессмертную душу³¹.

Важно свидетельство самого Сократа, согласно которому он ощутил воздействие даймона с детства — т.е. это не был приобретенный дух-покровитель. Даймон не делал ему каких-либо предложений, но удерживал от неправильных поступков. Он молчал только перед тем, как Сократу надо было идти на суд, что можно понять как истощение жизненной силы человека. Даймон Сократа как внешняя душа был связан с другими людьми — опираясь на этот голос, Сократ давал советы тем, кто в этом нуждался, и от этих советов была польза.

За нравственные идеалы Сократа считали предтечей христианства (Клемент Александрийский). Он был этой предтечей в силу напряженной мысли о Боге и душе, хотя душа его самого, уже ощущая свою подаренность, еще не отделилась от телесности. О ее телесности говорили стоики и эпикурейцы. Даймон Сократа ответственен за его тело. Можно понять теперь, почему вопрос о религиозности Сократа в настоящее время пользуется особым вниманием³², ведь отношение к душе как к ответственности — актуальнейшая современная проблема.

О месте человека

Сократ о своём месте лучше всего сказал сам: «Поистине, афиняне, дело обстоит так: где кто занял место в строю, находя его самым лучшим для себя, или где его поставил начальник, тот там, по моему мнению, и должен оставаться, несмотря на опасность, пренебрегая смертью и всем, кроме позора»³³. Там же, на суде, свою мысль он иллюстрирует тем, что Ахилл был предупрежден матерью Фетидой, что он погибнет, если совершит акт мести, — следом падет он.

Почему иному человек так трудно найти своё место? Дело в том, что оно не закреплено. Оно зависит от обстоятельств. Его онтология виртуальна. Ведь место разрушает мифопоэтическую идеологизированную реальность, вводя виртуальную. Место и есть главная основа виртуальной реальности. Его потрясающая роль в том, что оно создает не только предмет, но и сам объект реальности в виде человека. Тогда онтологизация человека достигается каждый раз заново, ибо занятие места требует ответственности.

Это потому, что человек мыслит. Его мысль восходит в том месте, которое мы назвали топоментальным, достигает уровня Абсолюта и от этого табло континуальности нисходит в топоморфемность (локализацию). Континуальность — макроценность, наиболее выраженная в мировых религиях, в космизме, в традиции³⁴.

К.Левин-Строс обнаружил мышление вдавливанием одного мифа в другой, ударениями одного о другой, что назвал отскоком. Это не трансдукция в чистом виде, где частное постигается через частное. В любом мифе есть тотальность всеобщего. Миф вообще тотален и эта тотальность несет в себе элемент всеобщности, континуальности. Отсюда потенции мифологии быть колыбелью мысли и об этом имеется большая литература, включая критическую. Но миф стремится уйти от ретигальной связи в аксиальную, в личную, в персональную обращенность и там замкнуться.

Но Сократ открыл миф как рабочий прием (конечно, мы не имеем в виду упоминания им богов, молитвы и т.д.). Я полагаю, что диалог Сократа основан на мифе: он строится как миф: от общего к частному. Этим частным для Сократа выступает место. Это тайна Сократа, ведь, начиная диалог, он всегда молчит, и неизвестно, куда он клонит.

Достигается тайна места агоним-соревнованием или скрытым агоним. Тайна агональна. Раскрытая тайна уже не тайна. Из-за разгадки тайны Сфинкс бросается в пропасть. Тайна локализована и спрятана вне общества, как место, где сидела Сфинкс. Поэтому тайну рождения у австралийских аборигенов с пуповиной отдают в далекое племя — в большой внешний мир. А мать у них зачинает от зародыша, пройдя мимо тайного места — кучи камней, сама того не ведая, якобы, конечно, не ведая. Из незнания идет жизнь в знание.

Человек в тайне появляется, а становится известен многим. А жизнь семьи закрыта. На Кавказе если ворота открыты, значит, тайна кончилась, кто-то умер, заходи и раздели горе со всеми. И в старом русском быту в таком случае надо идти сразу к столу и помянуть усопшего. Могильщики на наших кладбищах, знающие этикет, получая за работу водку, спрашивают имя похороненного, чтобы его помянуть. В русском быту в нормальной ситуации воспитанный гость должен потоптаться в дверях, «наследить», только после уговоров заходить. Это виртуальная топика, в которой агонально участвуют хозяин и гость. У абхазов перед домом был обширный двор, чтобы гость там погарцевал на коне, оставил его следы. Конь с палеолита символ внешнего пространства, откуда приходит удача и мысль. Поэтому в квартирах мы храним подковы.

А как Сократ относился к внешнему пространству? С должным вниманием. Вот он так порицает Калликла, не желающего изучать геометрию: «Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, справедливость... Ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людей равенство — я имею в виду геометрическое равенство...»³⁵. Мир Сократа, как видим, распределительно-топичен, как и народная культура. Исходя из такого мира Сократ строит нравственное место для человека — оно должно учитывать существование этого внешнего мира.

Вообще-то в древнейшей архаике у человека переизбыток вне его находящейся социальности, ему не хватает своего места, иначе говоря, интимности. Нет места, нет и равенства. У австралийца есть се-

мья, община, локальная орда, род, фратрия, брачный класс, племя, тайное общество, тотемное общество, языковое объединение. О местничестве феодальном мы хорошо знаем по родной истории. На Руси купец тоже был в целой сети земляческих, корпоративных, имущественных и сословных связей. Но он крепко хранил свои семейные места: отца, сына, брата. Если уж сетовать по поводу неурядиц современного мира, то они явно происходят оттого, что всё в мире сорвалось со своего места.

Знаем ли мы, современные люди, какое из наших мест истинно? Место надо создавать, отказываясь от некоторых из них. А к тому месту, которое занял, надо относиться с ответственностью, как учил этому Сократ. В конце концов, у каждого человека есть своя «архаика», которая порождает мотивы его мыслей и поступков.

Примечания

- ¹ Подробнее о восхождении рекурсивной петли мысли: *Чеснов Я.В.* Ландшафт и мышление // Труды членов РФО. Т. 10. М., 2005.
- ² *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998.
- ³ *Сеземан В.* Сократ // Евразийский вестник. Берлин, 1925. С. 267.
- ⁴ *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии. М., 1997. С. 265.
- ⁵ Личность Сократа отражена: *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1990 («сократовские диалоги»); *Ксенофонт Афинский.* Сократические сочинения. М.—Л., 1935, а также: *Жебелев С.А.* Сократ. Берлин, 1923; *Ritter C.* Sokrates. Tuebingen, 1931 (1979); *Meunier M.* La légende de Socrate. P., 1965
- ⁶ *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии. М., 2001. С. 77.
- ⁷ Одиссея. Песнь XXIII, 189.
- ⁸ *Аристотель.* Топика. VIII. 1, 155 в, 7—15.
- ⁹ *Durant W.* Histoire de la civilization. Т. 1. Lausanne, 1962. P. 99.
- ¹⁰ *Бгажноков Б.* Этикет адыгов. Нальчик, 1983. С. 48.
- ¹¹ Атхарваведа. Избранное. М., 1976. (1,1)
- ¹² *Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб., 2000. С. 171—172, 254.
- ¹³ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 91.
- ¹⁴ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. СПб., 2002. С. 351—354.
- ¹⁵ *Чубинский П.П.* Труды этнографической статистической экспедиции в Западно-русский край. Т. 111. СПб., 1872. С. 43.
- ¹⁶ *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004, гл. 7 (Русское издание Плеснера мной получено в самое последнее время, остальные сноски даю по немецкому изданию).
- ¹⁷ *Plessner H.* Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Fr. a/M., 1979. S. 349.
- ¹⁸ Ibid. S. 361.
- ¹⁹ Handwoerterbuch des deutschen Aberglaubens. Leipzig, 1933. Bd. V. S. 868—884.
- ²⁰ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1976. С. 69.

- ²¹ *Makarius L.* Clowns rituals // *Diogene*. 1970. № 69. P. 48–49.
- ²² *Ibid.* P. 70.
- ²³ *Ibid.* P. 57.
- ²⁴ *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. СПб., 1900. С. 29.
- ²⁵ *Бёль Г.* Глазами клоуна. М., 1965. С. 240.
- ²⁶ *Кереньи К.* Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М., 1999. С. 58.
- ²⁷ *Элиаде М.* История верований. Т. 1. М., 2000. С. 330.
- ²⁸ *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1970. С. 303.
- ²⁹ *Зелинский Ф.Ф.* Эллинская религия. М., 2003. С. 43.
- ³⁰ *Трубецкой С.Н.* Указ. соч. С. 292.
- ³¹ Там же.
- ³² *Destree P., Smith N.D.* (eds). *Socrates' Divine Sign : Religion, Practice and Value in Socratic Philosophy*. N. Y., 2005 (Материалы симпозиума в Брюсселе в 2003 г.)
- ³³ *Платон.* Указ. соч. Т. 1: Апология Сократа. С. 95.
- ³⁴ *Чеснов Я.В.* Ландшафт и мышление. С. 145–152.
- ³⁵ *Платон.* Собр. соч. Горгий, 508а.